

1

СЕЙЧАС

*Башня покоя и гармонии корпорации «Верукс»,
Земля, 2149*

Голова опять пульсирует болью — словно раскаленная стрела пронзает от затылка до правой стороны челюсти, — а из противоположного угла комнаты отдыха подает знаки мертвец. Неистово манит к себе с выражением паники на лице.

Я решительно отворачиваюсь от галлюцинации и пытаюсь снова сосредоточиться на живых посетителях по другую сторону видавшего виды пластикового стола.

— Прошу прощения, что вы сказали? — Язык у меня еле ворочается. Это все из-за препаратов. Их мне назначили огромное количество — и все равно недостаточно.

— Я сказал, что вы нам солгали. — Рид Дэрроу нетерпеливо подается вперед. Прямо за спиной у него расхаживает старик в строгом черном костюме и со старомодными часами на руке, наблюдая за нашей беседой, и задумчиво-неодобрительно хмурится.

— О чем? — недоумеваю я. Сейчас меня несложно сбить с толку, но Рид, младший следователь

отдела контроля качества «Верукса», почти всегда изъясняется предельно доходчиво. Он появляется здесь каждые два-три дня с тех самых пор, как три недели назад команда поисково-спасательного корабля «Роли» передала меня на попечение корпорации.

Макс Донован, другой мой посетитель, звучно откашливается.

— «Верукс» хочет вам помочь. Но для этого необходимо ваше содействие. — Мужчина ободряюще кивает мне. Его столь знакомое лицо испещряют морщины, к которым мне никак не привыкнуть. Когда я виделась с ним в последний раз, он был рядовым следователем корпорации, а теперь, похоже, возглавляет весь отдел.

— Я рассказала все, что помню.

Сломанные кости черепа у меня, по заверениям врачей Башни, срослись. А в течение месячного полета обратно на Землю персонал медотсека «Роли» проверил меня на наличие всех известных в Солнечной системе вирусов, бактерий и паразитов. Не говоря уж об «исследовательской» диагностике и процедурах за последние три недели в Башне. Результаты неизменно одни и те же: происхождение зрительных галлюцинаций, болевых ощущений и потери памяти, скорее всего, носит психологический, нежели физиологический характер.

Рид пропускает мои слова мимо ушей.

— Некоторые считают, что перед тем, как катапультироваться в спасательной капсуле, вы перебили свою команду, чтобы все вознаграждение за находку досталось вам.

Я так и застываю со сжатыми кулаками, борясь с желанием ударить его.

— А потом добрались сюда на «Роли», рассчитывая, что мы купимся на байку про амнезию и психотический срыв и вы сможете укрыться в Башне, — Дэрроу делает широкий жест, иллюстрируя свои слова.

Башня покоя и гармонии «Верукса» — лишь звучное название свалки для битых и ломаных, вроде меня. Космических кораблей и команд у «Верукса» больше, чем у любой другой корпорации. Бывает, не расцепляются стыковочные зажимы. Бывает, кто-то не выдерживает многолетней изоляции в космосе. Бывает, в кислород попадает хлад-агент, а пока утечку устраняют, гибнут клетки головного мозга. Всякое бывает. Порой даже с тобой. Порой даже если ты этого и не помнишь.

С трудом сглатываю комок в пересохшем горле.

— Моя команда... Они мертвы, но я их не убивала.

— Уверены? — уточняет Рид с холодной усмешкой и показывает сложенный листок бумаги, настоящей бумаги, что указывает на ее происхождение из высших эшелонов «Верукса». — Мы ведь сканируем K147.

Я вздрагиваю от одного лишь названия сектора. Там я потеряла все.

— И что?

— Мы зарегистрировали движение, Клэр, — мягко говорит Макс.

Это невозможно. Губы у меня немеют, в ушах возникает громкий гул.

— «Аврора»? — выдавливаю я.

Макс кивает.

— Ваш корабль-призрак движется, Ковалик, — самодовольно поддакивает Рид.

Макс подается на стуле вперед и смотрит мне в глаза.

— Пожалуй, вам стоит все рассказать нам снова. С самого начала.

2

ТОГДА

Сектор K147, два месяца назад

Где-то тут разболтался винтик.

Просто невероятно. Мы вот уже сотню лет живем на других планетах и спутниках, а в космос летаем и того дольше, и при этом все может похериться из-за крошечного кусочка металла с сорванной резьбой.

— Ковалик, ты как там? — пререзает тишину в моем шлеме голос Воллера, заглушая тихое убаюкивающее шипение кислорода. Непостижимым образом в шлеме он звучит даже громче, чем в жизни.

Я молчу.

— Ко-ва-лик, — пропевает Воллер мою фамилию. — Алло-о-о?

— Все в порядке. Просто заткнись и дай мне сосредоточиться. — Я ловлю отвертку, прикрепленную страховочным тросиком к скафандру и сейчас плавающую рядом.

Он вздыхает, хотя вздох больше напоминает капризный всхлип.

— Кэп, Лурдес говорит, у нас по-прежнему биения в сигнале. И мы пропустим встречу с грузовиком, если вскоре не отправимся.

Будто я как капитан этого не знаю. Но опять же, Воллер горазд указывать на очевидное, да еще душу при этом вымотает. После совместно проведенных на тесном кораблике двадцати шести месяцев я убить его готова. Мало его занудства, так в мою каюту через вентиляцию еще и доносятся раскаты его храпа, постоянно мешающие заснуть. Увы, как пилот он хорош.

Снова игнорирую его и сосредотачиваюсь на проверке аппаратуры маяка, в особенности на установленных новых блоках. Программы можно обновить дистанционно откуда угодно, но вот оборудование... Его-то только вручную. Что требует полнейшей концентрации даже с многолетним опытом за плечами и специальными перчатками, предназначенными для деликатных работ. Сломаешь что-нибудь или растеряешь слишком много винтов — и достать запасные части здесь, на краю Солнечной системы, будет весьма проблематично.

Не то чтобы в таковых имеется какая-то потребность, впрочем, поскольку это последний маяк. Последний не только для текущей смены или данного сектора, но и вообще последний. Для нас, во всяком случае. Когда комсети — развернутой в Солнечной системе сети маяков, служащей для усиления радиопередач кораблей и колоний в целях обеспечения практически мгновенной связи, — понадобится следующая модернизация, проводить ее будет уже робот «Верукса», «Разум-Тех».

Уж робот-то винтов растеряет наверняка меньше.

Однако отсутствие необходимости в ремонтниках комсети подразумевает и отсутствие необходимости в капитанах ремонтников комсети. То есть меня.

Вот и все. Я здесь в последний раз. Не только как капитан, но и вообще. Прощайте тишина и покой безбрежной пустоты. Прощай полная звезд бесконечность вокруг. Прощай корабль, манящий своими огнями назад из тьмы.

Я гоню от себя эту мысль. Куда подальше.

Может, это все из-за антенны. Перехватываю рукой металлическую опору и перекидываю тело на другую сторону, при этом стараясь не запутаться. Страховочные тросы, тянущиеся от маяка и нашего корабля, анализатора комсети под кодовым названием L1N4 — переименованным в более человеческое ЛИНА, — не дают мне сгинуть во мраке космоса, зато доставляют немало геморроя.

Затягиваю все винты, попадающиеся на глаза, и через какое-то время канал связи раздражается треском.

— Готово, кэп! — вопит Лурдес, мой специалист по связи. Ее хрипловатый голос для меня что музыка. — Амплитуда растет. Давай уже, возвращайся с холода.

Мягкий рывок красного троса с ЛИНА сообщает мне, что кто-то взялся за управление страховкой и готов по моему сигналу втянуть меня на корабль. Скорее всего, это Кейн, мой механик и заместитель. Ему не по душе, когда к механизмам ЛИНА прикасаются другие, даже к простейшим вроде лебедки. «Все может сломаться», — ворчит он. А ремонт здесь проблематичен.

Впрочем, теперь это не имеет значения. Нисколько не сомневаюсь, когда команду расформируют, ЛИНА пойдет на лом. Корабль и без того был древним, когда я унаследовала его при назначении в этот

сектор. Основательно потрепанный, латаный-перелатанный, пропахший разогретым металлом, с дерматиновыми уплотнителями в гермошлюзе, которые постоянно приходится латать монтажной пеной, хотя «Верукс» и меняет их после каждого рейса — на такие же дерматиновые.

И все же ЛИНА — дом.

Отстегиваю синий трос от фермы радиомаяка, прищелкиваю его к соответствующей подвеске на скафандре, и моя рука ложится на карабин красного троса, соединяющего меня с ЛИНА и будущим, которого у меня больше нет.

Всю свою жизнь я только и хотела, что находиться здесь. Подальше от людей. В этом-то и заключается прелесть космоса. Здесь ничего нет. Есть, конечно же, звезды, планеты, радиомаяки — но нет людей.

И вот теперь... Теперь этому приходит конец.

Я задумываюсь на мгновение с замершей над карабином рукой. Как просто: откинуть защелку, отстегнуться от троса и... оттолкнуться. И уплыть. В конце концов, когда кончится кислород, придется выбирать, замерзнуть насмерть или задохнуться — но это будет мой выбор. Мой собственный выбор здесь, среди звезд и мерцающих далеких планет, в абсолютной тиши космоса.

— Ковалик? — поторапливает Кейн. — Ты готова?

Нет, не готова. Землю топтать — это ни в коем случае не для меня. Не на протяжении длительного срока, и уж точно не всю оставшуюся жизнь. Остаться без корабля — это все равно что попасть в заточение, в котором по определению нет ничего

хорошего. От одной лишь мысли постоянно находиться под действием силы тяжести и в окружении людских толп я начинаю задыхаться и жадно глотаю воздух.

Полагаю, это означает, что удушье настигнет меня первым.

— Капитан Ковалик, как слышишь? — явно тревожится Кейн.

— Клэр? — подключается Лурдес.

— Ну же, Ковалик, — брюзжит Воллер. — На «Гинзбурге» меня дожидаются рыженькая и пакет скотча. Опять эти твои...

— Воллер, заткнись! — рявкает Кейн.

Мои пальцы опускаются на защелку карабина.

— Ковалик. Не двигайся. Я выхожу, — выпаливает механик.

Глаза мне застилают слезы, размывая звезды в туман. Конечно же, Кейн не позволит мне уйти. Обязательно вытащит меня, словно резинового утенка из ванны. Это у него тоже хорошо получается. И неважно, что утенок — резиновый или живой — только в воде и может жить.

Ему потребуется пятнадцать минут, чтобы облачиться в скафандр и выбраться через шлюз на резервном тросе. Тем временем, в соответствии со стандартным протоколом, все происходящее будет записываться в вахтенный журнал и передаваться в «Верукс».

Пожалуй, существует кое-что и похуже, чем никогда больше не выходить в космос, — заточение в Башне покоя и гармонии «Верукса» на Земле. Во Флориде. Ну, или в том, что от нее осталось. Туда-то корпорация и сплавляет свои разбитые

яйца. Поговаривают, для оказавшихся в Башне выхода уже нет — даже чтобы посмотреть на звезды.

Делаю глубокий вздох и моргаю, чтобы прояснилось перед глазами.

— Отставить, — говорю я, заставляя себя оторвать пальцы от троса. — Тебя слышу, сигнал отличный. Небольшой... сбой.

— Ага, конечно, — бурчит Воллер.

Не обращаю на него внимания.

— По твоей команде, Беренс.

Кейн выбирает трос, медленно втягивая меня в безопасное место, хотя мне кажется, что все точно наоборот.

***

— Что это было? — набрасывается Кейн, стоит мне выбраться из шлюзовой камеры и стащить с себя скафандр. Я вешаю костюм вместе со шлемом на крючок, над которым на скручивающемся по краям кусочке магнитной ленты выведено мое имя. Не могу не смотреть на этот ущербный обренок — как и на все остальное на борту, впрочем, — без сентиментальной нежности. Просто потому, что все это вот-вот исчезнет.

Избегая взгляда Кейна, торопливо натягиваю комбинезон поверх футболки и компрессионных шорт. Такие ясные голубые глаза нынче встречаются весьма редко, разве что в старых фильмах, и меня не оставляет ощущение, что механик видит меня насквозь.

— Ничего.

Волосы промокли от пота, светлые пряди прилипают ко лбу и падают на глаза. Я досадливо

откидываю их рукой. Теперь, по возвращении на корабль, минутный полет суицидальной фантазии представляется мне idiotским и жалким. Я могла подвергнуть всю свою команду опасности, вынудив их спасти меня. Может, мы и не всегда ладим, но оберегать их — моя непосредственная работа. Работа, которую я хотела столь отчаянно, что из-за перспективы ее потери даже покушалась на самоубийство.

С пылающим лицом протискиваюсь мимо Кейна и, свесившись через перила трапа, кричу на нижнюю палубу:

— Нис!

Ответа нет.

— Ни-и-с! — надрываюсь я.

Через секунду он высовывается из своей любимой норы возле машинного отделения, «серверного отсека» — просто ниши в стене с дверью.

— Что? — хлопает он на меня глазами.

Черные волосы торчком взъерошены, взгляд осоловелый и нетерпеливый — явно все еще сосредоточен на занятии, от которого я его оторвала. Скорее всего, зависал на Форуме.

— Мы готовы? — спрашиваю я.

— Отсчет пошел, — кивает он.

Не обращая внимания на все еще торчащего рядом Кейна, я устремляюсь по трапу на главную палубу и дальше, по узкому проходу через тесный камбуз прохожу на мостик. Кейн следует за мной, хотя и не столь живо, поскольку ему приходится слегка пригибаться, чтобы не разбить голову о потолок. ЛИНА, как и все анализаторы, просторностью похвастаться не может. Для длительных полетов наш

корабль не предназначен. Туда-сюда нас возят грузовики, они же снабжают запасами. Поэтому места на борту едва хватает для пятерых — пилота, связиста, системщика, механика и капитана. И, разумеется, необходимого рабочего оборудования.

Мостик сам по себе едва ли больше старых спускаемых аппаратов вроде тех, что выставлены в музее «Верукса», и одновременно в нем может разместиться всего три человека. Четыре, если у кого-то возникнет желание маячить в дверях. Но кресла только для связиста, пилота и меня, капитана. Большую часть времени, впрочем, я все равно провожу на ногах.

— Обстановка? — кратко спрашиваю я у Лурдес, с ногами забравшуюся в кресло перед пультом связи и, по обыкновению, прижимающую к уху один наушник из пары. Выбритая сторона головы уже заросла вьющимися темными волосами, и она заплела их в косичку, чтобы не мешали слушать.

С настороженным выражением девушка поворачивается в кресле. На ее темной коже поблескивает тонкая золотая цепочка с крошечной золотой же капсулой, в которой хранится туго скрученный клочок писания — стих, назначенный ей церковью.

— Отладка канала. Ты уверена, что в порядке?

— Уверена, — отвечаю я несколько резче, чем следовало.

Брови у Лурдес удивленно ползут вверх, глаза обиженно округляются, и я немедленно смягчаюсь:

— Просто немного... голова закружилась.

Воллер, развалившийся в кресле перед пультом управления, тоже поворачивается, волоча по полу свисающие ремни безопасности. Этому-то только и нужно, чтобы я увидела его закатившиеся глаза.

Лурдес собирается что-то сказать, однако уже в следующее мгновение ее взгляд устремляется в неведомую даль, а рука плотнее прижимает наушник к уху.

— Нам нужно поговорить, — едва выйдя из коридора, набрасывается на меня Кейн, словно Лурдес и Воллера здесь нет. Но даже если бы их действительно не было, это не тот разговор, в который я позволю себя вовлечь. В очередной раз игнорирую механика и обращаюсь к Воллеру:

— Мы готовы стартовать?

— Как только отдашь приказ, — кивает пилот и хрустит костяшками. На этом жесте он постоянно палится при игре в покер. Сама-то я с ними не играю, но насмотрелась достаточно и потому знаю, что Воллер так делает, когда на руках у него хорошие карты. И сейчас ему явно не терпится.

— Ковалик... — не отстает Кейн.

— Ничего не было, — бросаю я, стараясь придать голосу как можно больше убедительности. — Ты вроде как проводишь предстартовую подготовку?

— Эй, ребята! — вмешивается Лурдес. — Кажется, я что-то поймала!

— Да-да, Кейн, ничего не было, — ухмыляется Воллер. — Если Ковалик так хочется обосноваться на постоянной основе в К147, этой страной глухома-ни, кому какое дело...

Тут уж я взбешенно перебиваю его:

— Я вовсе не поэтому..

— Заткнись, Воллер, — одновременно со мной заводится и Кейн. — Как уполномоченный медицинский...

— Который хочет залезть ей в трусы? — продолжает пилот.